

* * *

Завтрашний воздух – в отсеках
  стальных облаков,
Завтрашний мир – как дыханье
  воздушной эскадры.
Завтра узнаем, возможно, расскажет Песков,
Что там за тайны в небесном прогнозе
  на завтра.
Завтрашний воздух – дышать им
  не передышать.

Даже когда от прогнозов бессовестных плохо.
В завтрашнем небе парит, как всегда, хороша
Сладкая вата еще непчатого вдоха.

* * *

Париж, который стоит мессы,
И N-ск, не стоящий её,
Сквозь детский аромат дюшеса,
И вечный крик «Берём старьё!»
В котором время неизменно,
Как глиняных свистулек хор,
Звучат, не спрашивая цену,
Не зная правды до сих пор...

* * *

– Ты веришь в удачу? – А что это значит?
Я верю себе и надеюсь на Бога.
– Но камень лежачий и холод собачий...
И много еще чего. Или не много?
– Не знаю. Но верю, что всё не случайно,
Что «хуже» и «лучше» меняя местами,
Играет с судьбою какая-то тайна
И что-то ещё, что случается с нами...

* * *

Пистолеты дают осечки,
Но судьба выбирает: «Целься!»
Нет патронов для Черной речки,
И встает на чужие рельсы
Человек-паровоз Каренин.
Словно в гриме он, в клубах дыма.
Кто-то целится. Это время.
Без осечки. Но снова мимо...

* * *

Исчезают, будто пропадают,
Растворясь, как соль, как реактив.
А реакция простая – стая
Вытесняет память, не забыв
Нейтрализовать и обезвредить,
Обмануть, как будто победить.
Недрузья, небратья, несоседи...
Неживая, хоть живая нить.

* * *

Кто они такие? Рядом в тишине
Злые и не злые... Мне или не мне?
Сквозь пустые речи слышится стрельба.
То ли человечья, то ли чья судьба?
Слышу пересуды, не могу понять,
Кто они, откуда, что за благодать?
Точка, запятая... Правда и враньё...
Ангелы летают или вороньё?
Эхо дней сиротских дарит тишине
Правды отголоски о тебе и мне,
Ангельское пенье сквозь вороний грай.
И за дальней тенью – рай или не рай...

* * *

Русская речь в древних улочках Яффо
Бодро витает сквозь эхо и память
Древнего Рима, арабских прозрений,
семитской печали...

Русская речь обитает привольно,
И улыбается, и вопрошает.
Кажется, Пушкина тень пролетает...
Нет. Это просто прохожий, похоже.
Просто прохожий?
А, может быть, Пушкин...

* * *

Чужая речь становится своей,
Родная речь родною остаётся.
Вдали от пророссийских тополей,
Поближе к обжигающему солнцу.
И средиземноморская жара
Внимает жгущим пушкинским глаголам.
И, кажется, «пора, мой друг, пора»
Понятней здесь и грустным, и весёлым...

* * *

Жизнь абсурдна, как пёс в мышеловке
Или кот, позабывший сметану.
Даже «ловко» сменив на «неловко»,
Удивляться я не перестану,
Удивляться, смеяться и плакать,
Открывая закрытые двери,
Спотыкаясь о твердые знаки,
Верить в мягкие. Или не верить.

* * *

Из одной провинции в другую...
Далью занавешено окно.
Раньше знал – топор плывёт в Чугуев.
А теперь не знаю – всё равно.
В хоре пел «В коммуне остановка».
А теперь мурлычу «всё пройдёт».
В незабытых снах всё было ловко.
В жизни всё всегда наоборот.

* * *

Не повторится и не вернётся.
А память шепчет: «Всё было классно».
Хоть были пятна, но было солнце.
И всё напрасно? Нет не напрасно.
Листает память свои страницы.
Жизнь, как цитата из «Идиота».
Всё — не вернётся, не повторится.
А вдруг, хоть что-то. Хотя бы что-то...

* * *

Двойные стандарты. А, может, тройные...
И даже не прячется фига в карман.
Враньё – как экзема. Как жизнь – аллергия.
И кажется, тот, кто не пьян, всё же пьян.

А если не пьян, то считает нетрезвым
Тебя и меня, всех, кто слышит враньё...
По сердцу стеклянному будто железом
Ведут и ведут, и долдонят своё...

* * *

Не торопись, а вдруг ещё вернётся
Звезда надежды и звезда любви...
Не торопись, а вдруг взорвётся солнце,
Но перед этим выдохнет: «Живи»...

И, кажется, знакома эта бездна,
И этот край, мерцающий во мгле.
Не торопись – всё честно и нечестно,
Как в первый день творенья на Земле...

* * *

Завтрашние события
оставим на завтра,
Вчерашние события
остались в прошлом.
Может, любовь обернётся
козырной картой,
Жданно-нежданной,
не пошлою и не ложной.
«Завтра» придёт, подмигнув,
усмехнувшись «сегодня»,
Случайной поэзией
переменив прозу.
Сможет ли время от этого
стать чуть свободней?
Ответа не знаю. Но знаю,
что есть козырь.

* * *

А я из ушедшей эпохи,
Где бродят забытые сны,
Где делятся крохи, как вдохи,
На эхо огромной страны.

Я помню и не забываю,
Откуда, зачем и куда.
Мечты о несбывшемся рае,
Сгорая, не гасит звезда.

* * *

Времена упадка Рима далеки, необозримы.
Времена упадка – это проходили мы с тобой.
То ли в школе, то ли дома... Незнакомое знакомо.
Нас учили. Мы умеем продолжать незримый бой.

Мы умеем. Днем и ночью. Стал никем. А был рабочий.
Был товарищ, стал – не очень. Если что – готов продать.
А соседи не готовы. Справа дело, слева – слово.
День вчерашний, дым домашний, словно благодать.

Слово выстрелить готово. Времена упадка снова.
Времена упадка чести и отчасти всех основ.
Слышу снова, как когда-то: «Аты-баты, брат на брата...»
Кто-то падает. Упадок. Будь готов! Всегда готов!

* * *

– Ты только не думай, что вечно открыта манящая дверь.
И ветер, попутный и встречный, он тоже не вечный, поверь.

– Я верю и пью осторожно всё то, что испить мне дано,
А также бесплатных пирожных не видел, не пробовал. Но...

Такая надежда на чудо заложена с детства, поверь,
Что, кажется, вечно я буду стучаться в манящую дверь.

